

занавѣшенъ яркимъ ситцемъ со сборчатой оторочкой и за этой занавѣской скрывалась его жена, когда появлялись мужчины. Оттуда она подсовывала турсучекъ съ кумысомъ и деревянную посуду. Левъ Николаевичъ шуткой называлъ кочеву нашимъ салономъ. Романовичъ, какъ мы звали его, былъ всегда радъ нашимъ посѣщеніямъ, потому что, подобно всѣмъ зажиточнымъ Башкирамъ, никогда и ничѣмъ не занимался. Кумысъ мы пили всѣ, кому онъ нравился.

Въ этомъ году въ имѣніи была сдѣлана первая и большая запашка, но былъ неурожай и голодъ, извѣстный тогда подъ названіемъ Самарскаго. Картина была въ высшей степени грустная. Левъ Николаевичъ, по свойственной ему сердечности и предприимчивости, принялъ участіе въ голодающихъ и былъ инициаторомъ всѣхъ сдѣланныхъ въ Россіи пожертвованій на этотъ предметъ. Онъ отправился въ двѣ ближайшія деревни, взялъ меня съ собой и сдѣлалъ опись, т. е. перечень всего находящагося на лицо въ крестьянскомъ дворѣ хлѣба и вообще имущества, а я писалъ подъ его диктовку. Описывался черезъ два двора третій. Несчастные наперерывъ просили описать ихъ дворы, предполагая, что только описанные дворы получаютъ помощь. Когда опись была готова, Левъ Николаевичъ написалъ статью, рисующую ужасную картину голода. Все это было послано въ редакцію Московскихъ Вѣдомостей со ста рублями первого пожертвованія отъ инициатора этого добраго дѣла.] 33

34 [Во второй разъ мы ѣздили въ Самарское имѣніе опять всей семьей лѣтомъ 1878 года. Тогда къ прежнему имѣнію